Сашка был совсем мелким пацаном, когда однажды августовским вечером услышал во дворе разговор двух бабок-соседок, развешивавших на веревках свое старушечье тряпье. Сашка, утомившись после дневной беготни, как раз сидел на щелястой приступке у подъезда своей «деревяшки» — бывшего заводского барака — и машинально расчесывал искусанные комарами ноги. А бабки развешивали белье и болтали какую-то ерундовину про грядущий конец света.

Бабка Варя сказала:

— Когда мы сюда приехали в тридцать втором, тут еще нанайцы жили. Стойбище у них вот прямо здесь было, где сейчас этот двор. Когда мы начали завод строить, они враз собрались и ушли куда-то, как сгинули. А ихние шаманы предупредили, что Амба, хозяин тайги, нас всех покарает: Амур разольется, и встанет вода от сопок до сопок. Вот так!

Она торжественно взмахнула корявой ладонью, указывая на сопки, безмятежно зеленевшие на горизонте.

— А что, может, и вправду так будет, — задумчиво протянула вторая соседка, бабка Люся. — Амба придет и покарает — за грехи-то наши…

Сашка не выдержал и захохотал. Бабки гнали натуральную левую пургу, просто как иеговистки какие-то, только нанайские. Амба! Мамба!

Он прямо так и проорал со своей приступки. Бабка Люся погрозила ему костистым коричневым кулаком, и он на всякий случай встал и попятился. С бабки вполне сталось бы огреть его этим самым кулаком промеж лопаток или пустым тазиком по загривку.

Но, когда старухи разбрелись по домам досматривать очередную «Каменскую», Сашка посмотрел на зеленеющие вдали сопки и передернул острыми плечами, словно от холода. До самых сопок Амур разольется?! Чушь какая.

Прошло ровно семь лет. Сашкин родной квартал, почти сплошь состоявший из «деревяшек», власти начали расселять, но очень медленно. Бабка Варя куда-то уехала, вроде как к дочке под Харьков, а бабка Люся умерла. И обе они так и не увидели, как в августе — и даже не високосного года — вода в Амуре начала подниматься.

Проливные дожди были тому виной, или же, как болтали в городе, китайцы скрыли аварию на своих ГЭС, но уровень воды в огромной таежной реке стал неуклонно расти.

*** Примечание:** *повествование основано на реальных событиях наводнения в Приамурье в конце лета и осенью 2013 года, но документальным очерком не является. Поэтому автор просит игнорировать некоторые расхождения с деталями события.*

День ото дня, ночь от ночи.

Три метра, четыре, пять, шесть, семь…

И еще выше. И еще.

Вода пришла в подвалы, в канализационные колодцы, в ливневку, залила все пригородные поселки и дачи. И хлынула на улицы города.

Хотя никто не погиб — вода прибывала медленно — но этот свинцовый тяжкий подъем казался неумолимым и неостановимым, как смерть.

«От сопок до сопок Амур разольется», — вспоминал Сашка, с невольной дрожью глядя на сопки — уже не зеленые, а желто-кровавые, багряные. Осень же наступила!

Сашка к этому времени кое-как закончил девять классов и теперь точно так же кое-как, ни шатко, ни валко, учился в машиностроительном лицее, куда его запихала мать.

«Это же верный кусок хлеба», — заявляла она. «Тоже нашла аргумент», — уныло думал Сашка. Он точно знал, что в авторемонтной шарашке соседа дяди Славы зашибет столько, сколько ему надо, безо всякого лицея. Дядя Слава, кстати, был не против Сашкиной подработки. Он не зудел, что надо, мол, учиться, учиться и учиться, как было выложено красными кирпичами на серой стене Сашкиного лицея.

В общем, Сашка жил себе и не особо тужил, но тут начался непонятный всемирный потоп!

Сперва это было даже весело. Сашка ловил рыбу прямо руками на дальнем огороде, откуда они с матерью накануне торопливо выкопали урожай картошки — чтобы не утонул. Но потом задул шквальный ветер, зарядили ливни, Амур попер на город еще быстрее, и в магазинах началась давка за мукой, крупами и солью. «Как перед войной», — испуганно объявила мать. По телеящику выступил губернатор, авторитетно призвав прекратить панику, и... паника началась всерьез.

В город прибыли эмчеэсники — молодые пацаны в темных робах с надписью «МЧС России» поперек спины — и принялись укреплять старую дамбу, чтобы остановить воду.

Сашка вообще забил на дурацкие занятия в лицее и вместе с другими зеваками торчал у дамбы, с любопытством глазея на то, как эмчеэсники сноровисто таскают туда-сюда мешки с песком.

Сосед дядя Слава однажды тоже оказался здесь. Он постоял, задумчиво поглядывая на эмчеэсников и на растущую дамбу.

— Помочь бы им, — внезапно брякнул Сашка и даже сам удивился. — Неудобно как-то… они же нас спасают.

Дядя Слава жестко посмотрел на него маленькими медвежьими глазками:

— Неудобно в почтовый ящик мочиться — высоко и узко. Они, знаешь, какие деньжищи за это получают?

Сашка не знал. Эмчеэсники на зажравшихся богатеев вовсе не походили. Обычные пацаны.

— И вообще… на хрена нам сдалась эта дамба? — тихо, себе под нос, так, чтобы слышал только Сашка, пробормотал дядя Слава.

Сашка онемел, а сосед снова искоса взглянул на него:

— Эх ты, тютя, не шаришь. Если нас затопит, нам новые квартиры сразу дадут, как пострадавшим. Может быть, и не в этой дыре, а где-нибудь… на Западе. Президент сам обещал по телику, ты что, не слышал?

Сашка не слышал. Он знал, что матери звонил отец, давно уехавший от них и живший теперь в Вологде. Отец волновался и даже предлагал к нему на время

переехать, как торжествующе заявила мать. Но уезжать в какую-то там Вологду Сашка не хотел. Чего он там не видел? Вот в Москву бы, это да…

Дядя Слава, услышав про Москву, тяжело усмехнулся, щелкнул Сашку по затылку — больно! — и ушел. Сашка затылок почесал и сразу забыл про этот непонятный разговор.

А следующей ночью он вдруг подскочил на своей постели и сел, протирая кулаками глаза. Звуки за окном изменились. Дождь уже не просто шумел, барабаня в стекла, а как-то неумолчно и страшно выл. Или это выли вода и ветер?

Амба шел на город.

Сашка встал и начал поспешно одеваться. Нашел на антресолях древние рыбацкие кирзачи, еще отцовские, и штормовку-брезентуху, тоже отцовскую.

— Пойду посмотрю, чего там на дамбе, — хмуро бросил он матери, торопливо вышедшей из своей комнаты. — Вдруг там… мужики нужны. А ты ложись, чего вскочила?

— Чаю заварю, с собой возьмешь, в термосе, — негромко ответила мать. Она, как ни странно, не возражала против Сашкиного похода к дамбе и не кудахтала, как обычно.

«Будто на войну провожает», — удивленно подумал Сашка, когда мать порывисто обняла его у порога и сунула в руки сумку с термосом и какой-то едой. И даже, кажется, перекрестила его, когда он вывалился за дверь, хотя сроду верующей не была и в церковь не ходила.

Ветер накинулся на Сашку, как бешеный зверь. Ветер и косой ледяной дождь, от которого не спасла даже штормовка.

А возле дамбы вообще творился ад. Светились прожекторы, и в этом ярком, но все равно каком-то мертвенном свете сновали эмчеэсники, скользя по грязи и снимая с кузовов подъезжавших грузовиков все новые и новые мешки с песком. Как только хватало этих мешков, и как у пацанов в форме хватало на это сил?!

Пока одни из них таскали мешки, другие, стоя по пояс в воде, прикрывали дамбу какими-то черными, блестящими, хлопающими на ветру резиновыми полотнищами. Сашка совершенно обалдел, увидев эдакое.

«Деньги? Да тут никаких денег не захочешь», — угрюмо подумал он и обнаружил себя стоящим под кузовом грузовика и принимающим на плечи очередной мешок.

— Я совершеннолетний! — решительно соврал он командиру эмчеэсников, который попытался было отправить его домой. — Я тут живу! Хочу помогать! И буду! Имею право!

Командир глянул в сердитое Сашкино лицо, залитое дождем, и отошел, махнув рукой. Не до Сашки ему было.

Двое парней, вместе с Сашкой таскавших мешки, остановились передохнуть и принялись жадно пить горячий чай из материного термоса. Сумку с термосом Сашка бросил в кабину грузовика, с которого они снимали мешки. Самому ему не хотелось ни пить, ни есть. Какая там еда!

Они должны были одолеть Амур! Одолеть воду. Одолеть Амбу! Дамба против Амбы. Это звучало смешно, но смешным вовсе не было.

— Вам, правда, много платят? — запыхавшись от натуги, спросил Сашка у одного из тех пацанов, что вместе с ним таскали мешки, пили чай из термоса и снова таскали. Черноглазого и губастого парня звали Глебом, а второго, конопатого, — Антоном. Оба они были из Иваново.

— Мы на службе, — блеснув глазами, коротко ответил Глеб.

«Мы на войне», — эхом отозвалось у Сашки в ушах.

Он устал так, как никогда в жизни не уставал, и промок до самых заледеневших от холода костей. Пальцев на руках он уже не чувствовал, но этими непослушными

одеревеневшими пальцами все равно цеплялся за мокрые мешки и, оскальзываясь в грязи, волок их к дамбе.

— Врешь, не возьмешь… — сипло бормотал он, старясь попадать в ногу с Глебом, вцепившимся в другой угол мешка.

— Ты это кому? Мне? — озадаченно крикнул Глеб сквозь шум дождя.

— Амбе! — крикнул в ответ Сашка, невольно оглядываясь на сопки. Вода плескалась у дамбы — грозная, черная, страшная, билась о дамбу, как морской прибой.

Глеб, конечно, ничего не понял. Откуда ему было знать в своем Иваново про амурского Амбу, таежного хозяина? Но сейчас было не до объяснений. Сашка решил, что расскажет ему все потом — когда они отстоят город.

Небо просветлело, и ливень закончился, превратившись в противную мелкую морось. Амуру так и не удалось размыть дамбу, и Сашка счастливо улыбался, шагая к дому, хотя ноги у него подгибались, и его пошатывало на ходу, словно пьяного. И сумка с материным термосом осталась в кабине уехавшего грузовика.

Возле своего подъезда Сашка наткнулся на выходившего оттуда дядю Славу, который, презрительно скривившись, уставился на него, мокрого с головы до пят и грязнющего:

— Ты где шлялся-то? На дамбе, что ли, помогал?

Сашка молча кивнул.

— Вот дурак! — раздраженно и даже зло объявил дядя Слава. — Я же тебе говорил — если бы нас затопило, мы бы все новые квартиры получили! Ты меня чем слушал? А я тебе, дураку, еще хотел предложить, чтобы ты по ночам ходил бы к этой дамбе и все их мешки растаскивал втихаря! Пусть бы дамбу эту хренову размыло побыстрее! А ты вон чего…

Договорить он не успел. И отклониться от Сашкиного кулака, нацеленного ему в физиономию, — тоже.

Сашка с некоторым изумлением посмотрел на свой кулак, потом — на дядю Славу, сидевшего на земле и выплевывавшего кровь и ругательства. Он шагнул вперед, и дядя Слава проворно отполз, сразу утихнув.

Сашка брезгливо обогнул его и вошел в подъезд.

Понятно было, что дядя Слава теперь никогда не возьмет его в свою мастерскую. Ну и хрен с ним!

— Учиться, учиться и учиться, — пробормотал Сашка и засмеялся, подходя к своей двери, стремительно распахнувшейся перед ним.

Мать так и не ложилась, ждала его. В окно, небось, смотрела. И видела, как он врезал дяде Славе. Глаза у нее округлились от испуга, а бледные губы дрожали.

— Мам, а я термос потерял, — весело сообщил Сашка, кое-как стягивая непослушными руками мокрую насквозь штормовку. — И я, наверно, в эмчеэсное училище после армии пойду, хотя не знаю, сколько они получают, и вообще... Зато мы удержали дамбу.

Поверх головы крепко его обнявшей и разревевшейся матери он посмотрел в окно. Амур все еще бил волнами в дамбу, но уже не ярился так бешено, как прежде.

Амба отступил.